

БОРИС МИРЗА

БОРИС МИРЗА

ДЕВУШКА
ИЗ
РАЗНОЦВЕТНЫХ
ЯБЛОК

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
М63

Оформление серии *Алексея Дурасова*

Мирза, Борис Георгиевич.
М63 *Девушка из разноцветных яблок / Борис Мирза.* — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-110672-0

Повести и рассказы Бориса Мирзы стали известны за-долго до выхода в свет его книг — десятки тысяч читателей оценили и полюбили эту пронзительную, стилистически оригинальную прозу. В сборник вошли повести и короткие новеллы о жизни и любви, в которых исповедальная проза сменяется портретами современников, а истории большого города — мифами маленького приморского поселка и далекой псковской деревни.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110672-0

© Мирза Б., текст, 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Повести и рассказы из новой книги писателя Бориса Мирзы стали известны задолго до ее выхода в свет — множество читателей в соцсетях оценили и полюбили эту пронзительную, стилистически оригинальную прозу. В сборник вошли повести и короткие новеллы о жизни и любви, в которых исповедальная проза сменяется портретами современников, а истории большого города — мифами маленького приморского поселка и далекой псковской деревни.

ПАРАДОКС

Без работы сидел долго и вдруг звонок.

Звонит какая-то секретарша или продюсерша, — тогда уже было модно всех поголовно делать продюсерами, даже если вчера они столы передвигали. А уж бывших секретарш — тем более.

Говорит, хочет со мной встретиться главный.

Я, естественно, обрадовался, а еще больше обрадовалась жена. Видимо, устала донашивать замшевый пиджак, который мне отдал друг, так как сам носил только модные.

Плюхнулся я в первое попавшееся такси и ломанул в Останкино. Весь отглаженный и прилизанный.

Еду. Вижу, таксист на меня поглядывает искоса. Изучает. Ну пусть, думаю. Мне сосредоточиться надо перед встречей, чтобы прилизанной прической в грязь не ударить. Но таксист, видимо, считав с моего лица достаточно, начал разговор:

— На работу?

— Ну да, можно так сказать.

— И не тяжело тебе там?

Я хотел было сказать, что мне не там тяжело, а здесь и дома — смотреть, как жена, собираясь в свой театр на репетицию, отпаривает замшевый пиджак, который на мне видели три поколения ее предшественниц. Но не сказал...

— Всяко бывает, — говорю.

Таксист, мужик за пятьдесят, коренастый и такой весь основательный от козырька кепки до массивного живота...

— Это понятно. — Таксист смотрит на меня иронично. Видимо, из-за врожденной наблюдательности или богатого жизненного опыта он про меня все понял. — Работа тяжелая...

И не успеваю я согласиться и рассказать, что в редакции «Аналогии преступлений» монтировал фильм трое суток без сна, как таксист добавляет:

— Конечно. По тебе видно. Ты парень русский, хороший. Тебя в этот улей только кабели таскать и возьмут. Я по лицу вижу.

— Интересно, — говорю я, — а кого возьмут?

— Ясное дело, своих. Или этих, с ориентацией, или евреев. Там вообще одни евреи на жирных должностях. Ведь вот, хочу тебе сказать, скользкий народ. Везде, где можно, своих пихают, а русский народ типа тебя притесняют, вот в чем парадокс...

Я вдруг разозлился.

— Знаете, — сказал, стараясь быть суровым, — вы это прекратите! Так нельзя! Нельзя вот так вот взять и походя целый народ назвать скользким! Это же мерзко! Гадко! Неправильно! Будете продолжать, я попрошу остановить и выйду.

Здесь я прибавил матерное слово, которое оказалось к месту и по воздействию перекрыло всю предыдущую речь.

— Ладно, — сказал таксист. И поправил кепку. — Может, ты и не кабели таскать допустим. Но как-то это не типично...

— А в кепке ездить в машине — это типично? — спросил я.

Мужик вдруг захохотал.

— Парадокс! — изрек он. — Может, она мне нравится. Кепка-то.

Доехали. Я расплатился и вышел. И не успел сделать два шага в сторону двадцатого подъезда, как услышал крик таксиста:

— Осторожнее там! Смотри, чтобы тебя не съели. Держи крепко честь русского мужика.

Я пожал плечами и пошел в улей.

* * *

В приемной главного меня встретила продюсерша, сидевшая за столом секретарши.

— Владимир Иванович сейчас будет, — сказала она. — Задерживается. Хотите чаю?

— Хочу, — говорю.

А про себя думаю: какое хорошее русское имя у главного. Сам Владимир, а папа Иван. И тут же вижу табличку. На дверях в его кабинет. «ИВАНОВ». Владимир Иванович Иванов. «Что бы ты сказал, мой темный таксист, обуреваемый самым низкопробным антисемитизмом, если бы увидел эту табличку?» — успеваю подумать я, когда сам обладатель русского имени и фамилии входит в приемную.

— Аaaa! — басит он. — Рад, рад. Пойдемте, как следует побеседуем! Начинаем мы интереснейший документальный проект!

И вот мы с Ивановым В. И. проходим в его кабинет, где он усаживается за огромный, красивый, темного дерева стол, а я пристраиваюсь в удобное кресло для посетителей.

И первое, что я вижу на этом самом роскошном столе, — флажок, какие крепят на машины к послам. Или ставят на стол консулу.

Да, на столе стоит флаг.

И это бело-голубой флаг Израиля.

* * *

Домой я опять еду на такси. Таксист в этот раз тощий, с какими-то свалевшимися волосами и молчаливый.

Только в самом конце пути он вдруг спрашивает:

— А правда, что у вас там чуть ли не половина пидики?

— Не знаю, — говорю я, а сам думаю о другом. — Возможно. Очень правдоподобная версия. Кто нас всех знает?

Таксист больше не мешает мне думать.

Думать о том, что, судя по всему, работу я не получу.

И о том, что замшевый пиджак вполне красивый, хоть и пообтерся на рукавах.

ВКУС РЯБИНЫ

— Уезжаешь?

— Уезжаю.

— Чего ж ты, — спрашивают, — уезжаешь? Плохо, что ли, было жить?

— Хорошо жилось.

— А чего тогда?

— Иногда бывает рябина хорошая, но горькая...

Да, мне все здесь знакомо. Вся моя прошлая жизнь тут без остатка.

Куда я ни взгляну, а все что-нибудь помню. Хорошо жилось.

Так жилось, словно совсем маленький мальчишка, рябину по первому морозу жуешь.

Горько, а хорошо.

Вот она, рябина. Во дворе. И наш двухэтажный дом на восемь квартир. Наша квартира на первом этаже. Окна на улице и окна во двор.

Рябина всегда была. И сейчас, летом, листьями шумит...

Старая. Хотели было спилить. Но дядя Коля из соседней квартиры напился пьяный и рабочим угрожал.

Они сказали:

— Мы все равно придем, только с милицией.

А он ответил, что ему безразлично.

Но не так, а матом. А тетя Вера из другой, соседней квартиры, сказала, что дядя Коля герой. Так и сказала:

— Герой ты, — сказала, — Коля. Не дал спилить.

А дядя Коля от этого стал пунцовым, напился и почему-то заплакал, и долго потом разговаривал сам с собой:

— Жизнь прошла. Прошла жизнь.

Улица тихая у нас. Машины едва проедут. Так, грузовик иногда.

Грузчики Вася и Петя коробки разгружали. И всякий другой товар. Вася и Петя похожи очень. Хотя один высокий, другой низкий. Один весь седой, а другой лысый. У одного нос такой приплюснутый, точно ему жена сковородой по морде дала. А у другого морковкой. Острый, как будто комариный.

Кричит мне однажды Вася или Петя, не разберешь:

— Иди сюда, чего угощу.

Подхожу, а он из поломанного картонного ящика пригоршню ирисок достал.

— Угощайся, — сказал, — бери. Мы не жадные.

— Спасибо, — отвечаю, — дядя... Только вот не знаю, как зовут вас. Петя или Вася?

— Да какая разница? — махнул он рукой. — Нас все путают. Грузчик, он и есть грузчик. Самая нужная профессия. Товар, понимаешь. Нужно сохранять, а не только доставка.

— Так вот, — говорю, — коробку-то повредили.

— Ничего, — ответил, — не взыщут. Ты ешь ириски-то. Пломбы не береги.

Товар носили на рынок. Через дорогу как раз черный ход. Разгрузка. И весовая.

А на рынке капуста. Пробуй не хочу. Но я не хочу. Это новенькому пробовать дадут, а мне нет. Меня тут все знали. Знали, что я у бабы Матрены буду брать. У нее капуста самая вкусная. И огурцы.

Матрена — не настоящее ее имя.

— Так почему вас Матреной-то называют?

— Ну это прозвище такое. Типа как кличка, что ли.

— А что значит?

— А значит, — говорила Матрена, — что я дура непутевая.

Матрена действительно была непутевая. То передник потеряет, то ведро с квашеной капустой уронит, то выручку пропьет.

И кричала, и ругалась сама на себя.

— Матрена, ты непутевая. Тварь, не человек.

Так мамка прозвала. Да на рынок послала. Теперь вот торгует.

Самой вкусной капустой и огурцами.

И они такими будут всегда. Пока не исчезнет рынок на нашей улице.

А вон в том доме дети повешенца живут. В неделю остались без матери и отца.

Любил он ее, говорят, сильно. Добивался. Всяко подходы искал. А она все в сторону смотрела. Все то ли уехать куда в столицу хотела, то ли принца ждала. Да столица-то далеко, а принц все не ехал. Принц не ехал, а вот влюбленный который год рядом. Вышла за него.

И все он ей далеким от идеала казался. И не принц, и от рубашки всегда запах. Так-то мужик вроде и ничего. Не хуже других.

Но не принц, и с запахом.

Повешенец, ясное дело, повесился в конце концов. Он долго собирался. Жenu пугал.

Говорит:

— Стерва ты и сволочь. Жисть с тобой сплошной яд. Повешусь.

— Так зачем, — она говорит, — тебе вешаться? Иди живи на все четыре стороны. Алименты только не просрочивай.

А он говорит:

— Я, — говорит, — детей люблю. Куда мне? Смотри, — говорит, — повешусь!

Так ведь и не врал. Вешался чуть не раз в месяц. Вроде как и по-настоящему, а и в шутку. Все пьяный, конечно. А раз, видно, так пошутил, что и повесился. Прямо на вешалке в коридоре.

Она-то домой быстро успела, еще бычок, что у него изо рта выпал, дотлеть на полу не дотлел. Быстро, но поздно. Помер, хоть и вынули.

В конце августа это было.

— Словно камень с души упал, — сказала жена после поминок. — Праздник на душе-то. Еще неделю праздновать буду, а потом поедem к тетке в Рязань.

Пила неделю с соседями. А через неделю померла сердцем. Жара была в том августе. Такая жара!

Двое детей осталось, Пашка и Мария. Он старший, душа-парень, младшую и вырастил. Школа тоже помогала обедами.

Пашку все любили. За то, что он не такой, как родители.

Совсем другой.

А напротив, за рынком, Толя-дурак жил. В старом доме послевоенном. Какое-то у Толи заболевание было неизвестной природы.

— Вылечить его нельзя, — говорил доктор районный Степан Степанович. — И на ремиссию тоже рассчитывать не приходится. Встали на учет в диспансер, пенсию получили и будет с вас.

— А делать-то что нам? — спрашивает Толина мама. — Жить-то как, коли он опять чудить начнет?

— Ничего, — отвечает доктор. — Таблетки давайте согласно рецепту. Будет чуть больше человека напоминать. Он ведь не опасный, сынок-то ваш. По статистике, такие, прямо говоря, родителей редко переживают. Что-то да случается...

Толик продолжал чудить и когда подрос.

Бегал по улице зимой и летом одетый тепло, в шапке-ушанке, на подбородке завязанной.

Все ему холодно, что минус тридцать, что плюс.

И поговорить любил. Но так отрывисто.

Скажет что-то такое невразумительное и смотрит светлым взглядом, точно понимания ждет.

— Поешь рябинки-то по морозу.

— Это зачем?

— Хорошая рябинка.

— Да ну, — отвечал я, — горькая! Разве ж это хорошо?

— Иногда, когда горько, хорошо. Бывает рябина хорошая, но горькая...

— Что ты такое несешь?

— Брежнев, — говорил, — если и умрет, то не совсем. А так только. Без Брежнева никак нельзя.

— Иди, — ему отвечали. — Будешь этот бред нести, и нас с тобою вместе заарестуют. Разговоры твои мутные.

— Ничего не мутные, — не обижался Толик. — Я и мыться могу. И яичницу с колбасой и без, когда нет колбасы. А как дорогой Леонид Ильич помрет, то колбасы-то и не станет. Вы тогда больше укропа крошите. В яичнице укроп — дело полезное! И сытость. Трудно будет без Брежнева жить. Натерпимся еще. Как уж эти капиталисты над нами поизмываются тогда. Ох, беда, товарищи вы, товарищи!

— Все же хорошо, Толя! — говорили ему.

— Иногда плохо, когда только хорошее! — отвечал он несуразицу.

И так болтал, пока не прогонят силой.

Пережил он и папу с мамой, и доктора Степан Степаныча, и Брежнева.

Когда Брежнева хоронили, сильно плакал. Стоял на улице нашей, на ноябрьском холодном ветру, кутался в пальто и, плотно натянув ушанку, голосил на всю улицу:

— Кончилась страна рабочих и крестьян, сожрут теперь капиталисты!

Забрали дурака в больницу. Насовсем. Хоть он и пытался говорить, что и мыться сам умеет, и пенсию забрать, и расписаться, и приготовить может яичницу без колбасы, но с укропом.

Забрали...

Квартиру их в старом доме за рынком объединили с другой, и теперь там офис...